

ЖЕНСКАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ: ЧИСЛЕННОСТЬ, СТРАНЫ-ДОНОРЫ, НИШИ НА РЫНКЕ ТРУДА¹

ФЛОРИНСКАЯ Юлия Фридриховна, к.геогр.н., jflorin@yandex.ru, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ; Институт демографии НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3809-6314

В статье на основе данных из различных источников – официальной статистики (МВД РФ), Выборочного наблюдения труда мигрантов (Росстат, 2019 г.), масштабного социологического опроса трудовых мигрантов (2017 г.) – дается комплексная характеристика женской трудовой миграции в Россию в конце 2010-х годов. Определена доля женщин в потоках из разных стран, выявлены основные страны – доноры женской трудовой миграции, оценена ежегодная численность женщин – трудовых мигрантов, проанализированы сферы занятости иностранных работниц на рынке труда РФ. Автор оценивает среднегодовое присутствие женщин – трудовых мигрантов в России в 1 млн. чел. Несмотря на общемировой тренд феминизации трудовой миграции, в России заметного роста численности иностранных работниц ожидать не стоит, так как страны-доноры с исходно высокой долей женщин в потоке утрачивают свои лидирующие позиции.

Ключевые слова: трудовая миграция, женщины – мигранты, Россия, занятость, патенты, разрешения на работу.

DOI: 10.47711/0868-6351-190-78-90

Оценки Международной организации труда (МОТ) в 2017 г. показали, что в мире насчитывались 164 млн. трудовых мигрантов, из которых 95,7 млн., или 58,4%, – мужчины, 68,1 млн., или 41,6% – женщины [1].

Рост доли женщин среди международных мигрантов или феминизация миграционных потоков – важнейшая черта современного периода развития международной миграции [2]. Этот процесс связан со структурными изменениями в глобальной экономике – сокращением производственной сферы и ростом сферы услуг [3; 4]. Феминизация миграции во многом способствовал рост сектора домашнего труда в мире (с 33,2 млн. до 52,6 млн. за 15 лет – с 1995 по 2010 г.), так как именно женщины составляют подавляющее большинство домашних работников (83%). Россия не исключение: доля мигрантов, занятых в домашних хозяйствах россиян, была и остается значительной [5]. Кроме того, на феминизацию миграции влияет и растущая пространственная мобильность женщин в странах-донорах [6], опирающаяся, в том числе, на рост диаспоры в странах – реципиентах миграции.

Интерес к исследованию женской трудовой миграции в мире рос вместе с увеличением самого потока международной миграции женщин. Так, до начала 2010-х годов поиск в системе Scopus по словосочетанию «женщины – трудовые мигранты» указывает всего лишь на десятки работ, появляющихся ежегодно по данной теме, а уже во втором десятилетии XXI в. их число превышает сотню и в отдельные годы достигает 150 публикаций. Аналогичный поиск в системе РИНЦ также показывает тенденцию роста интереса к данной теме: до 2010 г. в системе было размещено менее 30 публикаций о женщинах – трудовых мигрантах, а за последние 10 лет – почти 300.

Одними из первых работ в России по изучению женской трудовой миграции были работы Е. Тюрюкановой и соавторов [7-9]. Под руководством Е. Тюрюкановой в 2010 г. в Центре миграционных исследований при поддержке международной организации «ООН-Женщины» было выполнено первое масштабное исследование

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

женской трудовой миграции из СНГ в Россию. Исследовательский проект осуществлялся сразу в нескольких регионах России: Москве и Московской области, Самарской области, С.-Петербурге и Ленинградской области, Краснодарском крае. Исследование включало выборочный опрос женщин – трудовых мигрантов из стран СНГ. Размер выборки составил 1169 респонденток, включая 1068 мигранток из стран СНГ и 101 женщину-россиянку (внутреннюю мигрантку) в качестве референтной группы. Помимо количественного опроса были проведены фокус-группы и глубинные интервью с мигрантками и их работодателями [10].

В последнее десятилетие круг российских исследователей, обратившихся к теме трудовой миграции женщин в Россию заметно расширился [11-14]. Появились работы, более подробно рассматривающие отдельные исследовательские вопросы, связанные с женской миграцией в Россию. В частности, анализировались проблемы здоровья женщин – трудовых мигрантов в России и риски их социальной уязвимости [15-16]; проблемы семейной миграции, миграции с детьми, так как женщины значительно чаще выезжают в миграцию с детьми, чем мужчины² [17].

По мере роста занятости в сфере услуг домохозяйствам в мире [18; 19], а затем и в России, начали появляться работы, посвященные жизни и работе мигрантов в домашних хозяйствах, как мужчин, так и женщин [20-22]. Потребность в домашних работниках в европейских странах во многом определила рост постсоветской миграции женщин в Европу, и соответственно, интерес к исследованию данного феномена [23-25].

Одновременно стоит отметить, что миграция женщин часто недоучитывается официальной статистикой, в том числе и в России [26]. Во многом это связано с большой долей женщин, занятых в неформальном секторе, включая домохозяйства, имеющих неполную и непостоянную занятость. Несмотря на появление значительного числа работ, посвященных женской миграции в Россию, ситуация мало изменилась в последние годы. По-прежнему авторы пишут об ограниченности сведений о женщинах в составе трудовых мигрантов [27], о слабом учете гендерной составляющей миграции на уровне законодательной и исполнительной властей, связанном во многом с отсутствием доступной для анализа и экспертизы статистики [28]. Цель данной статьи – расширить имеющиеся представления о женской трудовой миграции в Россию, в том числе с помощью авторских статистических оценок, полученных из различных источников информации.

Источники данных. Основным источником данных о внешней трудовой миграции служат данные Главного управления по вопросам миграции МВД РФ. В первую очередь это статистика оформленных и выданных документов для работы в России: патентов и разрешений на работу (РНР), включая действительные на определенную дату. Однако эти показатели релевантны только для мигрантов из стран, которым необходимо оформлять разрешительные документы для выхода на рынок труда. При этом трудовые мигранты из стран – членов ЕАЭС – Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии – имеют право работать в России без разрешительных документов. Поэтому используется другой статистический показатель МВД РФ – число иностранцев, въехавших в Россию с целью «работа по найму» и поставленных на миграционный учет за определенный период или находящихся на таком учете на определенную дату. Этот показатель в отличие от предыдущих включает информацию по всем странам – донорам трудовой миграции в РФ.

² По результатам упомянутого выше проекта Центра миграционных исследований, только 4% мужчин – трудовых мигрантов приезжали в Россию с детьми; при этом около 15% от всех опрошенных женщин и 30% от всех женщин, имеющих детей, находятся в России с детьми [10].

К сожалению, все перечисленные данные публикуются в открытом доступе на ведомственном сайте исключительно в разрезе регионов или стран, гендерная статистика или повозрастное распределение там отсутствуют.

Помимо данных МВД РФ, оценивать трудовую миграцию в Россию можно на основе масштабных опросов трудовых мигрантов и их работодателей, а также обследований органов статистики. В данной статье для оценки объемов и описания отдельных характеристик потока женской трудовой миграции использованы данные опроса Центра этнополитических и региональных исследований, проведенного для НИУ-ВШЭ в 2017 г. [29]: опрошено 8577 мигрантов в 19-ти регионах России, в том числе, таких основных регионах «потребителей» труда мигрантов, как Москва и Московская область, С.-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Новосибирская и Свердловская области и т.д. Кроме того, статья основана на данных Выборочного наблюдения труда мигрантов, выполненного Росстатом в 2019 г.³ (предыдущее – в 2014 г., периодичность – раз в 5 лет). Наблюдение осуществлялось во всех субъектах РФ; всего было опрошено более 130 тыс. российских домохозяйств, или 0,24% общего числа домохозяйств России. В исследование были включены вопросы найма домохозяйствами оплачиваемых работников, в том числе мигрантов из российских регионов и иностранцев.

Объемы и возрастная структура женской трудовой миграции в Россию. По официальным данным МВД РФ⁴, доля женщин в потоке трудовой миграции в Россию составила в последние годы примерно 19-20% (19,8% в 2017 г., 19,5% в 2018 г. и 19,1% в 2019 г.). Всего на миграционный учет с целью «работа по найму» в 2019 г. было поставлено более 800 тыс. женщин – иностранных трудовых мигрантов. Если рассмотреть гендерную статистику тех, кто получал в России разрешительные документы для работы – разрешения на работу (кроме высококвалифицированных специалистов – ВКС) и патенты⁵, то доля женщин колеблется в пределах 12-13% для получающих патенты и 19-20% для работающих по разрешениям (табл. 1).

Таблица 1

Разрешения на работу и патенты, выданные мигрантам
(мужчины, женщины) в 2018-2019 гг.

Разрешения и патенты	2018 г.			2019 г.		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Выданные РНР (кроме ВКС), количество	77479	18420	95899	68743	17203	85946
%	80,8	19,2	100,0	80,0	20,0	100,0
Выданные патенты, количество	1565617	233121	1798738	1618093	229311	1847404
%	87,0	13,0	100,0	87,6	12,4	100,0

Источник: данные МВД РФ.

Данные Росстата за 2019 г., по материалам Выборочного наблюдения труда мигрантов, показывают близкое данным МВД соотношение доли мужчин и женщин – трудовых мигрантов, хотя в них речь идет только о тех иностранцах, которые работают в домохозяйствах россиян. Так, численность иностранных работников – мужчин, нанимаемых домохозяйствами за последние 12 мес., составила 2,33 млн.,

³ https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html

⁴ Здесь и далее, если нет специального указания в тексте, упоминаются данные статистики МВД РФ, полученные по запросу. Поскольку такие данные удалось получить лишь единожды – за 2019 г. – гендерная статистика ограничивается именно этим годом.

⁵ Разрешения на работу (кроме ВКС) выдаются только трудовым мигрантам из дальнего зарубежья, а патенты – мигрантам из стран СНГ, за исключением мигрантов из стран – членов ЕАЭС.

или 81,1% всех занятых, а численность иностранных работников-женщин – 0,54 млн., или 18,9%⁶.

По данным социологического опроса мигрантов 2017 г. доля женщин оказалась значительно выше показателей официальной статистики – 32% (2759 чел. из 8577 опрошенных). Если из массива выделить только тех респондентов, кто работает или ищет работу (т.е. является трудовым мигрантом), доля женщин снизится до 30%, т.е. практически не изменится.

Возможно, повышенный процент женщин среди опрошенных трудовых мигрантов обусловлен тем, что женщины чаще заняты в сфере услуг и торговле, что требует лучшего знания русского языка; они более коммуникабельны; реже живут в закрытых анклавах (на стройках и т.д.). Тем не менее, опираясь на показатели, полученные в ходе опросов, а также учитывая, что значительная часть женщин работает в теневом секторе, без оформления своего статуса, т.е. недоучитывается в статистике, мы склонны «сдвигать» численные оценки присутствия женщин на российском рынке труда в большую от официальных цифр сторону. На наш взгляд, в среднегодовом выражении можно говорить не менее чем о миллионе женщин, пребывающих в России в качестве иностранных работниц.

Мужчины и женщины, работающие в России, различаются по возрастной структуре. Так, среди работающих по патенту мужчин самой многочисленной является возрастная группа 18-29 лет, на ее долю приходится почти половина работников – 48% (по сравнению с 32% женщин). Самой массовой среди женщин является группа 30-39 лет, ее доля – 34%. У мужчин на эту группу приходится 27% работающих (рис. 1).

Среди работающих по разрешениям на работу картина несколько иная: среди мужчин самой многочисленной является группа 30-39 лет (30%), среди женщин – 18-29 лет и 40-49 лет (32 и 29%). Разница между полами здесь менее заметна, чем среди работающих по патенту (рис. 2).

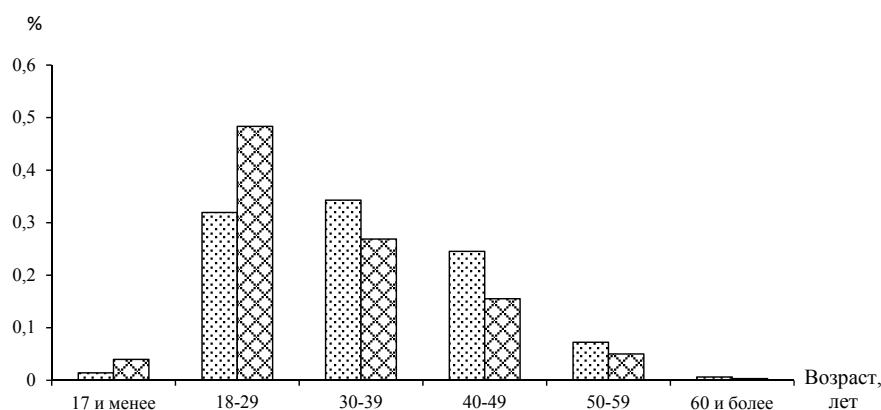

Рис. 1. Распределение трудовых мигрантов – женщин и мужчин – по возрастным группам (рассчитано от общего числа выданных мужчинам и женщинам за год патентов, 2019 г.):

▨ женщины; ▨ мужчины

Источник: Данные МВД РФ (ЦБД УИГ).

Поскольку численность работающих по патенту значительно более многочисленная по сравнению с работающими по РНР (таких работников почти в 15 раз больше), то гендерное распределение всех иностранных работников значительно ближе к данным об иностранцах с патентами. Таким образом, в России работающие по разрешительным документам мужчины – трудовые мигранты моложе женщин. По данным Росстата на

⁶ https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html. Дата обращения 5 марта 2021 г.

конец IV кв. 2019 г.⁷, доля работников-мужчин моложе 30 лет составила 42%, а женщин этой возрастной группы – 25%; при этом на возраст 30-39 лет приходилось 31% мужчин и 34% женщин.

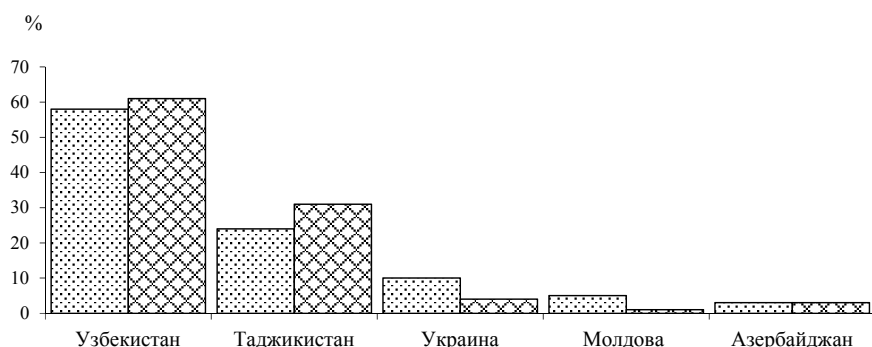

Рис. 2. Распределение трудовых мигрантов – женщин и мужчин – по возрастным группам; рассчитано от общего числа действительных для мужчин и женщин РНР (кроме ВКС), на 31.12.2019
 ▨ женщины; ▩ мужчины

Источник: Данные МВД РФ (ЦБД УИГ).

Вывод о более молодом возрасте трудовых мигрантов-мужчин подтверждается и результатом социологического опроса 2017 г., согласно которому средний возраст женщин – трудовых мигранток составил 37,37 лет, медианный – 36 лет. Аналогичные показатели возраста мужчин – 33,09 лет и 31 год.

Основные страны – доноры женской трудовой миграции в Россию. Ранжирование стран по числу прибывших из них женщин – трудовых мигрантов возможно на основе нескольких источников: по числу поставленных на миграционный учет с целью работы, по числу полученных за год разрешений на работу, числу выданных патентов.

Среди стран дальнего зарубежья по численности женщин – трудовых мигрантов в России лидируют, главным образом, страны Азии: Китай, Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Филиппины (табл. 2).

Таблица 2

Страны дальнего зарубежья – основные доноры трудовой миграции в Россию*, число женщин и мужчин, получивших за год РНР (кроме ВКС), 2018-2019 гг., чел.

2019 г.			2018 г.		
страна	женщины	мужчины	страна	женщины	мужчины
Китай	7819	35752	Китай	7946	37003
Вьетнам	5364	9038	Вьетнам	6178	9818
Таиланд	1586	48	Таиланд	1569	35
Индонезия	495	128	КНДР	743	8384
Филиппины	307	192	Индонезия	404	146
Грузия	254	306	Филиппины	288	329
Сербия	208	4995	Сербия	213	5760
КНДР	174	1584	Грузия	144	194
Индия	100	4397	Япония	90	83
Туркмения	87	575	Индия	81	3483

* Ранжирование произведено по числу женщин, получивших РНР в 2018 и 2019 гг.

Источник: Данные МВД РФ (ЦБД УИГ).

⁷ Социально-экономическое положение России – 2020. Январь. М.: Росстат, 2020. https://gks.ru/bgd/regl/b20_01/Main.htm. Дата обращения 7 апреля 2021 г.

Доля женщин в потоке из Китая, занимающего первое место среди доноров трудовой миграции из дальнего зарубежья, составляет 18%, в потоке из Вьетнама – она в 2 раза выше (37%).

Сравнение женской трудовой миграции из дальнего зарубежья с миграцией мужчин показывает некоторые отличия в лидерах по численности, в частности, на третье-пятое место выходит миграция из Турции, Сербии и Индии.

Среди стран СНГ, граждане которых должны получать патенты для легального выхода на российский рынок труда, и по женской, и по мужской миграции лидируют страны Средней Азии – Узбекистан и Таджикистан (табл. 3).

Таблица 3

Страны СНГ (кроме стран – членов ЕАЭС) – доноры трудовой миграции в Россию, число женщин и мужчин, получивших патенты, 2018-2019 гг., чел.

Страна	2019 г.		2018 г.	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Узбекистан	133959	984792	132503	952109
Таджикистан	54062	496518	47400	447643
Украина	22402	64599	30751	86250
Молдова	12118	20655	15585	27833
Азербайджан	6748	51435	6839	51566

Источник: Данные МВД РФ (ЦБД УИГ)

Несмотря на лидерство стран Средней Азии и в мужской, и в женской трудовой миграции в Россию, их «вес» в структуре миграции по гендерным группам заметно различается (рис. 3). На долю женщин-мигрантов из Средней Азии в 2019 г. приходилось 82% всей женской трудовой миграции по патентам (в 2018 г. – 77%); в то время как на долю среднеазиатских мужчин – 92% (90%) всей мужской трудовой миграции. При этом доля западных стран СНГ (Украины и Молдовы) в 2019 г. у женщин составляла 15% (в 2018 г. – 20%) общего потока женской миграции по патентам, а доля мужчин из этих стран в потоке всей мужской трудовой миграции была в 3 раза ниже – 5% (8%).

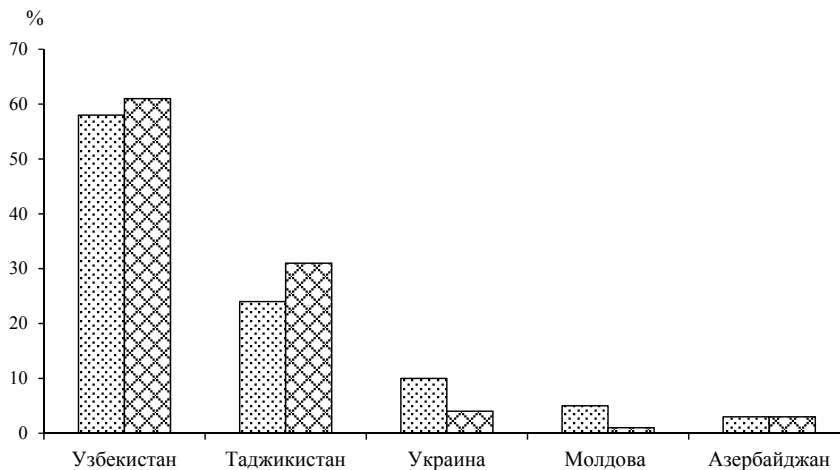

Рис. 3. Доля каждой из стран-доноров в трудовой миграции мужчин и женщин (вычислена от общего числа полученных мужчинами и женщинами за год патентов), 2019 г.:

▨ женщины; ▩ мужчины

Источник: Данные МВД РФ (ЦБД УИГ).

Важно, что доля женщин в потоках трудовой миграции из разных стран также существенно различается: в миграции из Украины и Молдовы она составляет 26 и 37% соответственно, во всех трех остальных странах не превышает 10-12%. Происходящие изменения в сфере трудовой миграции в Россию в последние годы, а именно сокращение доли западных стран СНГ и рост миграции из Средней Азии, неминуемо приведут к сокращению доли женщин среди иностранных работников в России.

Для учета всех потоков миграции, как работающих по разрешительным документам, так и без них, обратимся к показателю состоящих на миграционном учете за год с целью «работа по найму» мужчин и женщин. Лидеры по числу женщин – трудовых мигрантов, по данным миграционного учета за 2019 г., приведены в табл. 4. Из 19-ти стран, потоки женской трудовой миграции из которых превышают 1000 чел./год, девять – страны СНГ, причем именно они, с большим численным отрывом, занимают первые строки таблицы.

В то же время список стран с самой высокой долей женщин – трудовых мигрантов среди поставленных на миграционный учет с целью «работа по найму» в 2019 г. возглавляли такие страны дальнего зарубежья, как Таиланд (92% женщин в потоке), Филиппины (73%), Япония (53%) (рис. 4).

Таблица 4

Страны – лидеры* женской трудовой миграции в Россию, число женщин, поставленных на миграционный учет с целью «работа по найму», 2019 г.

Страна	Число женщин	Доля страны в женской трудовой миграции, %**
Узбекистан	218797	27,0
Киргизия	205909	25,4
Таджикистан	105656	13,0
Армения	64924	8,0
Украина	62658	7,7
Казахстан	25192	3,1
Республика Молдова	25158	3,1
Азербайджан	21896	2,7
Беларусь	20496	2,5
Китай	18876	2,3
Вьетнам	6645	0,8
Германия	3300	0,4
Таиланд	2683	0,3
Япония	2176	0,3
Республика Корея	1925	0,2
Филиппины	1655	0,2
Индия	1460	0,2
Франция	1377	0,2
Нидерланды	1057	0,1

* Приведены данные по странам, число поставленных на миграционный учет из которых превышает 1000 женщин.
 ** Рассчитана от общего числа женщин, поставленных на миграционный учет с целью «работа по найму» за 2019 г.

Источник: данные МВД РФ (ЦБД УИИ).

Среди стран, женская трудовая миграция из которых наиболее заметна в абсолютных числах, самая высокая доля женщин характерна для Молдовы (38% женщин в потоке), Киргизии (35%), Украины (31%), Армении и Казахстана (по 26%).

Опрос Росстата 2019 г. позволяет получить дополнительную информацию о доле и числе женщин – трудовых мигрантов, хотя гендерное распределение можно посчитать исключительно по наемным работникам в домохозяйствах россиян; данные по работающим у юридических лиц по полу не разделены.

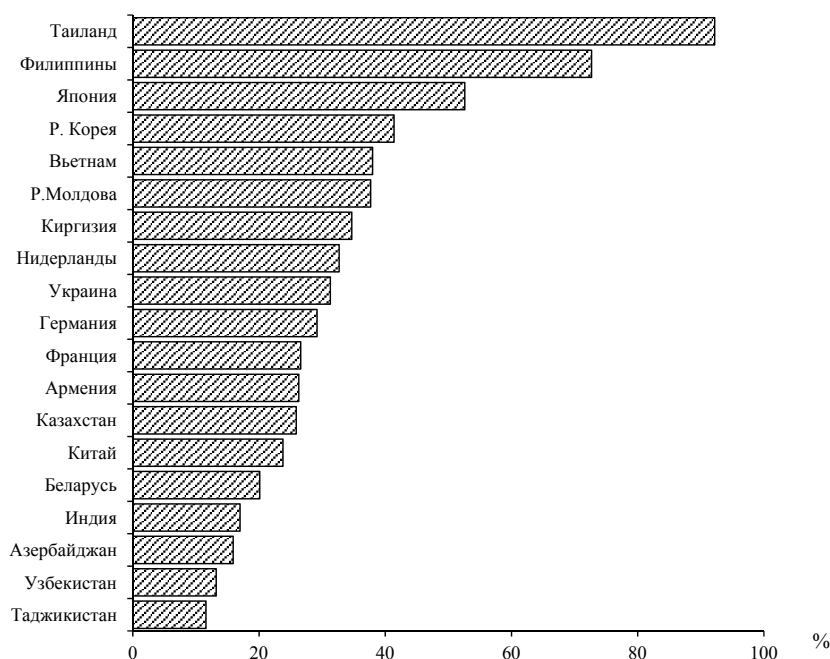

Рис. 4. Доля женщин в потоке из каждой страны, попавшей в список лидеров женской трудовой миграции в Россию (расчет от общего числа женщин, поставленных на миграционный учет с целью «работа по найму»), 2019 г.

Всего в домохозяйствах россиян в 2019 г. работали около 540 тыс. женщин – трудовых мигрантов, из них 514 тыс. – выходцы из стран СНГ (табл. 5). При этом самая большая численность женщин – наемных работниц в домохозяйствах – приходилась на Украину, на втором месте – Узбекистан, на третьем – Молдова.

Таблица 5

Численность женщин – иностранных граждан, выполнявших в домохозяйствах работу за оплату в период последних 12 мес., 2019 г., по странам гражданства, чел.

Страна	Численность женщин – иностранных граждан, работавших в домохозяйствах россиян	Доля женщин среди наемных работников из каждой страны,
Азербайджан	13495	12
Армения	16685	16
Белоруссия	54889	21
Казахстан	22941	35
Киргизия	56780	32
Молдова	117678	41
Таджикистан	55784	10
Узбекистан	121147	15
Украина	198356	59
Страны СНГ, всего	513858	19

Источник: рассчитано автором по данным Выборочного наблюдения труда мигрантов, Росстат, 2019.

По доле женщин в потоке наемных работников – мигрантов ожидаемо лидируют Украина и Молдова – 59 и 41% соответственно; довольно высока доля женщин среди мигрантов из Казахстана и Киргизии – 35 и 32%. Наименьшая доля женщин – среди мигрантов из Таджикистана, Азербайджана и Узбекистана.

Очень сходное соотношение доли женщин в потоках трудовой миграции из разных стран СНГ показывают результаты опросов 2017 г. (рис. 5).

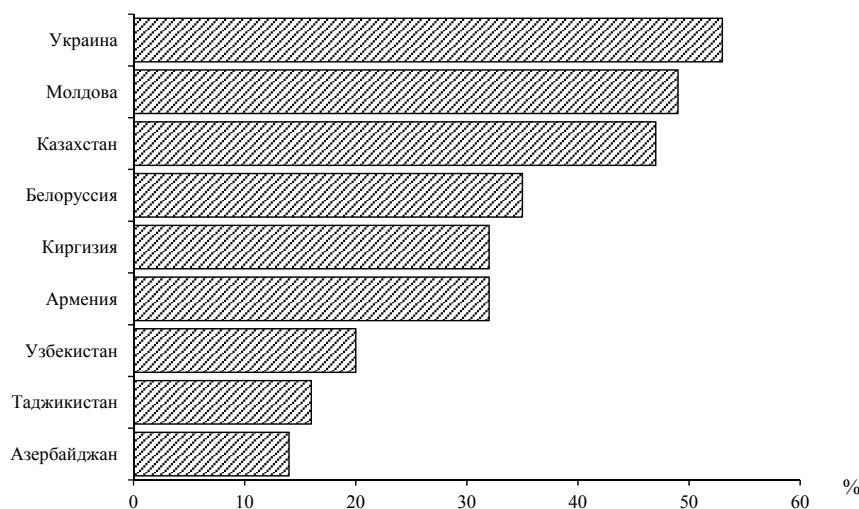

Рис. 5. Доля женщин в потоке трудовой миграции из основных стран – доноров, 2017 г. Учитывались ответы только работающих и ищущих работу мигрантов; N = 8033 чел.

Источник: Рассчитано автором по базе данных опроса НИУ ВШЭ, 2017 г.

Максимальная доля женщин вновь наблюдается среди трудовых мигрантов из Украины, Молдовы и Казахстана, минимальная – среди мигрантов из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана. Доля женщин среди трудовых мигрантов из Киргизии, как по данным обследования Росстата, так и приведенного опроса, приближается к трети потока.

Занятость женщин – трудовых мигрантов в России. Отраслевая занятость трудовых мигрантов в России начиная с 2015 г. перестала публиковаться. По последним данным ФМС РФ за 2014 г. больше всего трудовых мигрантов были заняты в строительстве (34%), в сфере услуг (13%), обрабатывающей промышленности (10%) [30].

В настоящее время судить о занятости иностранных работников в отраслях можно только по данным обследований органов статистики или социологических опросов. Так, по данным Обследования Росстата (2019 г.), среди женщин – мигрантов, трудившихся в качестве наемных работников в домохозяйствах россиян, максимальное число было занято уборкой помещений и оказанием услуг домработницы, а также в строительстве (включая ремонт жилищ) и уходе за пожилыми и больными членами семьи. Среди мужчин ведущей отраслью занятости служило строительство (рис. 6).

Опрос мигрантов 2017 г. позволяет оценить занятость мигрантов – женщин и мужчин в целом на российском рынке труда, не только в домохозяйствах. Так, среди всех работавших на момент опроса (в 2017 г.) и годом ранее женщин и мужчин больше всего было занятых в торговле – 49% женщин и 27% мужчин. На втором и третьем местах у женщин – предоставление услуг (14%), гостиницы и рестораны (11%); у мужчин на втором месте строительство (22%), на третьем – предоставление услуг (14%). И у женщин, и у мужчин заметна текущая занятость в деятельности домашних хозяйств (6 и 9% соответственно) (рис. 7).

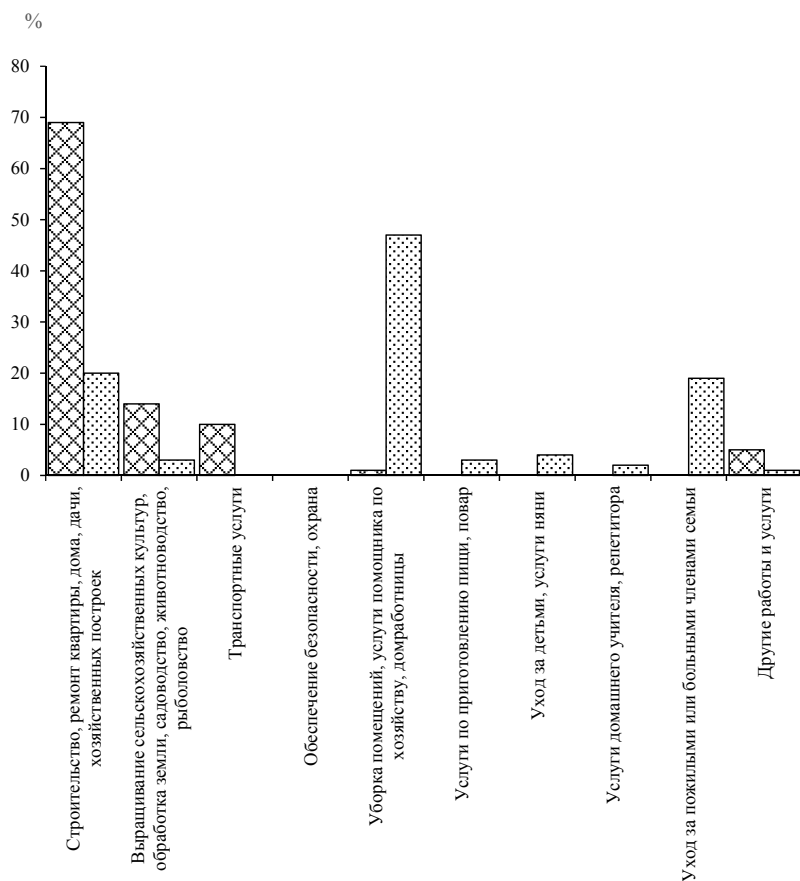

Рис. 6. Распределение иностранных работников по видам выполняемых работ в домохозяйствах россиян, мужчины ☒ и женщины ☑, 2019 г.

Источник: Рассчитано автором по данным Выборочного наблюдения труда мигрантов, Росстат, 2019

Рис. 7. Распределение иностранных работников по отраслям занятости, 2017 г.

Источник: Рассчитано автором по базе данных опроса НИУ ВШЭ, 2017 г.

Выводы. Изучение гендерной структуры трудовой миграции в Россию на сегодняшний момент в научном и публичном дискурсе представлено недостаточно. Только собранная воедино информация из нескольких источников – как официальной статистики, так и специальных обследований органов статистики и количественных опросов трудовых мигрантов – позволяет хотя бы в общих чертах оценить долю мужчин и женщин в потоке, выявить основные страны – доноры мужской и женской миграции, описать гендерную структуру занятости мигрантов.

Использованный при подготовке статьи комплексный подход позволил оценить среднегодовое численное присутствие женщин – трудовых мигрантов не менее чем в 1 млн. чел., или четверть всего объема трудовой миграции в Россию. Основными странами – донорами женской трудовой миграции в Россию являются страны СНГ, однако вклад конкретных стран внутри этого объединения в последние годы претерпевает серьезные изменения. Так, сокращается вклад в трудовую миграцию западных стран СНГ – Украины и Молдовы: за 5 лет, предшествовавших пандемии (с 2015 до 2019 г.), их доля сократилась с 20 до 11% (почти в 2 раза). За этот же период доля Киргизии возросла всего на 4 проц. п., с 11 до 15%. Таким образом, доля трех стран с наиболее высокой представительностью женщин в потоке (выше 30%) в целом сократилась. Одновременно, заметно выросла трудовая миграция из двух стран Средней Азии – Узбекистана и Таджикистана, с 47% в 2015 г. до 60% в 2019 г., однако доля женщин в потоках из этих стран минимальна – 13 и 12% соответственно.

Если экстраполировать эту тенденцию на ближайшие 10 лет, то Россию, вероятно, ждет не дальнейшая феминизация трудовой миграции, а снижение доли женщин в этом потоке, при том, что потребность сферы услуг, в том числе, частных домохозяйств, в женском труде будет только расти.

Что касается текущей занятости женщин – трудовых мигрантов, то анализ еще раз продемонстрировал необходимость сбора и публикации регулярных статистических данных о реальной ситуации на российском рынке труда. Отдельные опросы мигрантов не могут дать исчерпывающий ответ о нишах, занимаемых иностранными работниками, об их профессионально-квалификационном составе, не позволяет выполнить прогноз соотношения спроса и предложения труда мигрантов в РФ.

Тем не менее, из видимых на сегодня тенденций можно отметить рост занятости женщин в частных домохозяйствах россиян: каждая третья опрошенная женщина когда-либо оказывала услуги частным домохозяйствам. В целом занятость женщин – трудовых мигрантов в сфере услуг в России является преобладающей, она характерна почти для 90% работающих иностранок.

Литература / References

1. ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology. 2nd edition. ILO, Geneva. 2018. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf
2. Castles S., Miller J. The age of migration. International population movements in the modern world. London, 1993. P. 336.
3. Sassen S. Transnational economies and national migration policies. Institute for Migration and Ethnic Studies, University of Amsterdam, 1996.
4. Gershuny J., & Miles, I. The new service economy. The transformation of employment in industrial societies. N.Y.: Praeger, 1983. P. 281.
5. Положение домашних работников в мире: глобальная и региональная статистика и степень правовой защиты / Международное бюро труда – Женева: МОТ, 2013. 146 с. [Domestic Workers Across the World: Global and regional statistics and the extent of legal protection. ILO, Geneva, 2013. Pp. 65.]
6. Карачурина Л.Б. Женщины-мигранты в нише домашнего труда в России // Социологические исследования. 2015. № 5(373). С. 93-101. [Karachurina L.B. Women migrants in the niche of household labor in Russia // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 5(373). Pp. 93-101.] (In Russ.)
7. Тюрюканова Е., Малышева М. Женщины в международной трудовой миграции // Народонаселение. 2000. № 26. С. 91-101. [Tyuryukanova E., Malysheva M. Women in the international labour migration // Population. 2000. Vol. 2. Pp. 91-101.] (In Russ.)
8. Малышева М., Тюрюканова Е. Женщина. Миграция. Государство. М.: Academia, 2001, 229 с. [Malysheva M., Tyuryukanova E. Zhenshchina. Migratsiya. Gosudarstvo. M.: Academia, 2001. 229 p.]
9. Тюрюканова Е.В. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. 2005. № 1. С. 48-64. [Tyuryukanova E.V. Gendernye aspekty trudovoi migratsii iz stran SNG v Rossiiu // Diaspory. 2005. № 1. Pp. 48-64.]
10. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс. 2011. 184 с. [Female Migrants from the CIS Countries in Russia / Ed. by E.V. Tyuryukanova. M.: MAKS Press, 2011. 184 p.]
11. Рочева А.И. Миграция как эмансипация? Гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 105-107. [Rocheva A.I. Migration as emancipation? Gender dimension of the migration to Russia // Theory and Practice of Social Development. 2012. № 8. P. 105-107.] (In Russ.)
12. Илимбетова А.А. Факторы и экономические последствия женской трудовой миграции в Россию // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2013. № 4. С. 89-100. [Ilimbetova A.A. Female labour migration to Russia // Moscow University Economics Bulletin. Ser.6. Economics. 2013. № 4. Pp. 89-100.] (In Russ.)
13. Rocheva A., Varshaver E. Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation // Asia-Pacific Population Journal. 2017. No. 2(32). Pp. 87-136.
14. Полетаев Д.В. Женская трудовая миграция из Центральной Азии в Россию (на примере Таджикистана и Кыргызстана) // Женская миграция: формы, тенденции, последствия. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. С.В. Рязанцева, С.Ю. Сивоплясовой. 2017. С. 34-55. [Poletaev D.V. Female labour migration from central Asia in Russia (be the example of Tadjikistan and Kirgizstan) // Zhenskaya migratsiya: formy, tendentsii, posledstviya. Ser. «Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika» / Pod red. S.V. Ryazantseva, S.Yu. Sivoplyasovoi. 2017. Pp. 34-55.] (In Russ.)
15. Агаджанян В., Зотова Н. Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2011. № 465-466. URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php#_FNR_1 [Agadzhanian V., Zotova N. Social vulnerability and sexual risks women migrants from Central Asia in Moscow. Demoscope Weekly. 2011. No. 465-466.] (In Russ.)
16. Агаджанян В.С., Зотова Н.А. Миграция и риски ВИЧ-инфекции: женщины – выходцы из Средней Азии в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 2. С. 84-109. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i2.1818>. [Agadzhanian V.S., Zotova N.A. Migration and HIV risks: women from Central Asia in the Russian Federation // Demographic Review. 2014. Vol. 1. No. 2. Pp. 85-109.] (In Russ.)
17. Florinskaya Yu.F. Migration of Families with Children to Russia: Integration Problems (Based on the Materials of Sociological Queries Conducted by the Center for Migration Studies) // Studies on Russian Economic Development. 2012. Vol. 23. No. 4. Pp. 408-413.
18. Pries L. Transnationale soziale Räume: Theoretisch-empirische skizze am beispiel der arbeitswanderungen Mexico – USA // Zeitschrift für Soziologie. 1996. Vol. 25. № 6. Pp. 456-472.
19. Anderson B. Doing the Dirty Work? The Global Politics of Domestic Labour. London; New York: Zed Books, 2000.
20. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2010. № 3. С. 72-95. [Brednikova O., Tkach O. Dom dlya nomady // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2010. № 3. Pp. 72-95.] (In Russ.)
21. Варшавская Е. Труд домашних работников в России и за рубежом: масштабы и особенности // Современное общество и труд. Сб. науч. ст. / Под ред. Р.В. Карапетыан. СПб.: Издательский центр экономического факультета, СПбГУ, 2014. С. 170-179. [Varshavskaya E. Domestic Workers in Russia and Abroad: Proliferation and Peculiarities // Modern Society and Labour: Collection of Articles / Ed. by Karapetyan R.V. St. Petersburg, Publishing Center of the Faculty of Economics, St. Petersburg State University, 2014. Pp. 170-179.] (In Russ.)
22. Karachurina, L., Florinskaya, Y., Prokhorova, A. Higher Wages Vs. Social and Legal Insecurity: Migrant Domestic Workers in Russia and Kazakhstan // Journal of International Migration and Integration. 2019. Vol. 20. Iss. 3. Pp. 639-658.

23. Marchetti and Venturini. Mothers and grandmothers on the move: Labour mobility and the household strategies of Moldovan and Ukrainian migrant women in Italy *International Migration*. 2014. Vol. 52. Issue 5. Pp. 111-126.
24. Vanore and Siegel. The evolution of gendered migration trajectories from Moldova & Georgia // *Comparative Migration Studies*. 2015. № 3(1).
25. Толстокорова А.В. Мама моет раму в Риме: гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10. № 3. С. 393-408. [Tolstokorova A.V. Mommy Washes Windows in Rome: Gender Aspects of Transnational Parenthood in Ukraine. *The Journal of Social Policy Studies*. 2012. Vol. 10. № 3. Pp. 393-408.] (In Russ.)
26. Оценка нужд и потребностей женщин – трудящихся мигрантов. Центральная Азия и Россия. ЮНИФЕМ-МОТ. 2009. С. 23. [Otsenka nuzhd i potrebnostey zhenshchin – trudyashchikhsya migrantov. Tsentral'naya Aziya i Rossiya. Fond OON dlya razvitiya v interesakh zhenshchin (YUNIFEM), 2009. Pp. 23.]
27. Рязанцев, С.В. Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, С.Н. Перемышлин // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 4. С. 53-65. DOI 10.21064/WinRS.2019.4.5. [S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya, S.N. Peremyshlin. Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implication, regulation // *Woman in Russian Society*. 2019. № 4. Pp. 53-65.] (In Russ.)
28. Ржанецкая, Л.С. Некоторые аспекты положения женщин-трудящихся мигрантов в России, роль работодателя и государства // *Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке: коллективная монография*. М.: НИИ ЮФО, 2020. С. 107-114. [Rzhanitskaya, L.S. Nekotorye aspekty polozheniya zhenshchin-trudovykh migrantov v Rossii, rol' rabotodatelaya i gosudarstva // *Gendernye resursy i formirovaniye novogo gendernogo poriyadka v XXI veke: kollektivnaya monografiya*. Moskva: NI YuFO, 2020. Pp. 107-114.] (In Russ.)
29. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // *Статистика и экономика*. 2017. № 6. С. 69-79. [Mukomel' V.I. Migranty na rossiiskom rynke truda: zanyatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda // *Statistika i Ekonomika*. 2017. No. 6. Pp. 69-79.] (In Russ.)
30. Население России 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 360 с. [Population of Russia 2014: 22rd Annual Demographic Report / Ed. by Zakharov S.V. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 360 p.]

Статья поступила 06.07.2021. Статья принята к публикации 17.08.2021.

Для цитирования: Ю.Ф. Флоринская. Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда // *Проблемы прогнозирования*. 2022. № 1(190). С. 78-90. DOI: 10.47711/0868-6351-190-78-90

Summary

FEMALE LABOR MIGRATION TO RUSSIA: NUMBER, DONOR COUNTRIES, NICHES IN THE LABOR MARKET

Y.F. FLORINSKAYA, Cand. Sci. (Geogr.), Institute for Social Analysis and Forecasting RANEPa; National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract: This article is devoted to complex characteristic of female labor migration towards Russia in late 2010s. The conclusions are made on the basis of data from various sources - official statistics (MVD RF), Selective survey of migrant labor (Rosstat, 2019), large-scale sociological survey of migrant workers (2017). The share of women in the flows from different countries was determined, the main donor countries of female labor migration were identified, the annual number of female labor migrants was estimated, the employment spheres of foreign women - workers in the labor market of the Russian Federation were analyzed. According to the author's assessment the annual presence of women – labor migrants in Russia is about 1mln of persons. Despite the global trend of feminization of labor migration, we should not expect a noticeable increase in the number of foreign workers in Russia, since the former donor countries with an initially high proportion of women in the flow are losing their leading positions.

Keywords: labor migration, women migrants, Russia, employment, patent, work permit

Received 06.07.2021. Accepted 17.08.2021.

For citation: Yu.F. Florinskaya. Female Labor Migration to Russia: Number, Donor Countries, Niches in the Labor Market // *Studies on Russian Economic Development*. 2022. Vol. 33. No. 1. Pp. 55-64
DOI: 10.1134/S1075700722010075